

В.В. Акунов, Москва

ЧЕРЕП И КОСТИ В РУССКОЙ ВОЕННОЙ СИМВОЛИКЕ

В 1999 г. в Смоленском издательстве «Русич» в серии «Мир в войнах» вышел перевод книги английского автора Г. Уильямсона «СС – инструмент террора». Автор предисловия к русскому изданию книги об «ордене под мертвой головой», М. Рабинович, пишет: «Кошмарный сон оборачивается явью: юнцы и пенсионеры в...форме, украшенной самым зловещим из символов, известных в истории, снова маршируют и в Центральной Европе, и в Прибалтике, и – верить ли своим глазам? – в России». Между тем, символ «мертвой головы», т.е. «череп и кости», несравненно более древний, чем СС и породивший СС национал-социализм, отнюдь не является каким-то исключительным изобретением разработчиков нацистской символики. Достаточно вспомнить пример из сравнительно недавнего прошлого, ставший почти хрестоматийным.

В бесчисленном множестве мемуаров советских времен ушедшие на покой участники гражданской войны в Испании вспоминали одно и то же. Испанским республиканцам-де показывают фильм «Чапаев». Наступает кульминационная сцена – наступление белых офицеров-«ударников» под черным знаменем с черепом и костями – и вот заполнившие зал испанские республиканцы начинают с криками: «Фашисты!» палить в экран изо всех стволов. Для советского сознания той эпохи «череп и кости» совершенно однозначно символизировали АБСОЛЮТНОЕ ЗЛО.

Дело со временем зашло так далеко, что в очерках по истории России (для иностранцев) начала 80-х, вышедшей из-под пера ныне покойного профессора Н.Н. Яковлева, даже тевтонские рыцари (!) в битве на Чудском озере (в 1242 г.!) выступают под «черным знаменем с белым черепом и костями»! Настолько этот символ в эпоху «развитого социализма» стал ассоциироваться в советском сознании с чем-то ИЗНАЧАЛЬНО ВРАЖДЕБНЫМ И ЧУЖДЫМ. Короче, он стал своего рода «антисимволом».

Между тем, череп и кости, как наиболее стойко противостоящая тлению, т.е. разложению, и в наименьшей степени поддающаяся разрушению органическая ткань, в большинстве древних культур издавна символизировали способность к телесному возрождению, жизненную энергию и силу духа, отнюдь не являясь, вопреки широко распространенному заблуждению, символом утраченного, разрушения и смерти, вкладывавшегося в него, как мы увидим далее, только анархистами и большевиками в период Октябрьского переворота, последующего периода «красного террора» и гражданской войны в России.

Символ «череп и кости» пользовался широчайшим распространением как раз в России со времен крещения древней Руси Святым Равноапостольным князем Владимиром, если не раньше. В этом проще простого

убедиться, зайдя в любой христианский храм (причем не обязательно в православную церковь). Так, латинские хронисты эпохи крестовых походов сообщают о существовании в 1176 г. в Святой земле духовно-рыцарского Ордена Благой Смерти, члены которого носили поверх доспехов черные плащи с изображением «адамовой головы», т.е. белого черепа с костями на правом плече, или рассмотрев повнимательнее изображения на Распятии. Мы почти всегда увидим в основании Голгофского креста этот самый «зловещий» символ – череп и кости.

Дело в том, что по христианскому Священному преданию, место для распятия Спасителя было промыслом Божиим выбрано как раз там, где покоились бранные останки, т.е. череп и кости, прародителя рода человеческого – Адама. Поэтому Голгофа именуется еще Краниевским или Лобным местом. По легенде, кровь и вода, истекшие из ребра распятого Христа – «нового Адама» – прободенного копьем римского сотника Лонгина, с целью убедиться в смерти осужденного на крестную муку, пролившись на кости «ветхого Адама», чудесным образом омыли его от грехов, что явилось символическим прообразом последовавшего вслед за тем в течение трех дней – с пятницы до воскресенья – сошествия Христа в ад, с целью вывести оттуда в рай ветхозаветных праведников, начиная с Праотца Адама. Поэтому череп и кости, именуемые на Руси издревле «Адамова голова», вошли в христианскую и, в т.ч., православную религиозную символику как знак жертвенной смерти во имя грядущего спасения через воскресение к вечной жизни.

Не случайно поэтому, что «адамова голова» украшает не только распятия в христианских храмах – своеобразные «модели Голгофы» - но и кресты-тельники и облачения схимников – монахов, принявших сугубый постриг, как бы «заживо легших в гроб», дабы возродиться из него к жизни вечной. Когда объединенные дружины Святого Благоверного Великого князя Московского Димитрия Ивановича, за свою великую победу в 1380 г. позже прозванного Донским, вышли на бой с Ордой на Куликово поле, начало сражению положил поединок ордынского богатыря Челубея с иноком Свято-Троицкого монастыря Александром (Пересветом), на которого сам Святой Преподобный Сергей Радонежский надел перед походом схиму...разумеется, украшенную, как и полагалось, символом Голгофского креста с «адамовой головой». Инок погиб сам, но поразил и врага, упав на него сверху, чем засвидетельствовал свою победу и вселил веру в победу в сердца всех русских ратников.

Т.о., полностью оправдался символический смысл эмблемы «черепа и костей», вкладываемый в нее христианами, причем не только русскими: «Смертью смерть поправ!». Эмблема «мертвой головы» использовалась в британских, французских, финских, болгарских, венгерских, австрийских, итальянских и польских войсках, преимущественно в кавалерии, авиации, огнеметных, штурмовых и танковых частях, в частях особого назначения армии США и т.д. В германских государствах Пруссии и Брауншвейге существовали кавалерийские и пехотные части с эмблемами в виде черепа

и костей на головных уборах. Боровшийся против французских захватчиков вплоть до битвы при Ватерлоо «Черный легион» герцога Брауншвейгского имел в качестве эмблемы опять-таки «адамову голову».

«Мертвая голова» была эмблемой «гусар смерти» французских роялистов, боровшихся против революционного режима, в т.ч. в рядах российских войск, что, несомненно, повлияло и на символику русского 5-го лейб-гвардии гусарского Александрийского полка («черных» или «бессмертных» гусар, как их называли). Шапки и нагрудные полковые знаки «александрийцев» украшали череп и кости. 1-й эскадрон Ея Величества 5-го гусарского Александрийского полка имел значок «весь черный с серебряной Адамовой головой (полковой эмблемой), с рамкой из серебряного гусарского галуна; 2-й эскадрон – значок «весь черный, с серебряной Адамовой головой».

«Череп и кости» украшали также тульи фуражек гусар лейб-гвардии Елисаветградского полка и значок 17-го Донского («Баклановского») казачьего полка. Характерно, что на этом «знамени Бакланова», героя покорения Кавказа, череп и кости были обрамлены девизом, представляющим собой не что иное, как заключительные слова христианского Символа Веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Именно такой смысл вкладывало в эмблему «мертвой головы» православное христоролюбивое российское воинство, так что правомерность использования «черепа и костей» в русской военной символике никого из тогдашних ревнителей Православия не смущало – в отличие от иных нынешних, всюду склонных усматривать происки вездесущих «детей вдовы», т.е., попросту говоря, масонов, якобы всегда и везде только и думавших, как бы повредить России.

Несомненно, мертвая голова встречается (как, впрочем, все мыслимые и немыслимые символы самых разных религий) и в масонской символике тоже. Правда, у масонов она чаще символизирует голову мифического архитектора Соломонова храма – Адонирама (или Хирама Абифффа) и «слово мастера» вольных каменщиков «мак бенак» (якобы означающее – на неизвестном языке! - «плоть отделилась от костей»). Однако сегодня вряд ли стоит «стричь всех масонов под одну гребенку» и мазать всех их только черной краской. Можно по-разному относиться к масонству разных стран, народов и эпох, но фактом является то, что многие «масонские» (а точнее, воспринятые и «творчески переработанные» масонством) идеи, традиции и символы настолько прочно легли в основание современной европейской, и не только европейской, но и общемировой культуры и цивилизации, что стали ее неотъемлемой частью.

Хотим мы того или не хотим, но если попытаться мысленно «вынуть» из ее фундамента все те элементы, которые являются или кажутся кому-то «масонскими» или «заимствованными у масонов», то неминуемо рухнет все европейское здание. А ведь Россия – не остров в океане, а часть Европы (прежде всего) и уж потом только - Азии. Такой она стала, по крайней мере, со времен превращения ее в Российскую Империю при Петре Великом

(хотя уже Царь Иван Васильевич Грозный, по свидетельству английского посла Горсея, считал себя отнюдь не «азиатом», а «немцем»). Не случайно поэтому внешнее сходство высшего ордена Российской Империи - ордена Св. Андрея Первозванного – с одноименным масонским орденом, сходство Государственного герба России – унаследованного от византийских Палеологов «двоглавого орла» - с двуглавым орлом степени «рыцарь Кадош» т.н. «шотландского масонства», и многое другое.

Масонами были отнюдь не одни декабристы, а почти что все российские государственные деятели и полководцы, включая генералиссимуса А.В. Суворова, фельдмаршала М.Т. Кутузова и многих других. Естественно, многие символы, привычные им по общению в ложах, в т.ч. и «адамова голова», естественно и гармонично переходили в русскую воинскую символику. Другое дело, что разными людьми в одни и те же символы нередко вкладывался совершенно различный смысл.

В период Великой (как тогда называли первую мировую) войны особой популярностью эмблема «адамовой головы» пользовалась в молодой, но уже прославившей себя многочисленными подвигами русской военной авиации. Было принято решение установить для летчиков, сбивших вражеские аэропланы, георгиевскую планку, на которой черепами со скрещенными костями отмечать число уничтоженных самолетов: золотыми черепами – десятки, серебряными – единицы. Многие из подобных проектов воплотились в жизнь, сохранились подобные знаки. После Февральского переворота 1917 г. бездарная политика Временного правительства (отмена смертной казни за воинские преступления, отдания чести, чинопочитания, назначение на фронт комиссаров и прочие благоглупости) привела к тому, что русская армия, дотоле спаянная железной дисциплиной и верностью Государю Императору, стала «расползаться по всем швам».

В безуспешных попытках избежать военной катастрофы Временным правительством начали создаваться «ударные части», «части смерти», «революционные батальоны» и даже «отряды добровольцев из увечных воинов», призванные своим примером воодушевить остальные, менее стойкие войска, усердно разлагавшиеся (на немецкие денежки) красными агитаторами и тем самым удержать фронт от распада.

Наибольшей известности среди них достигли, пожалуй, Корниловский ударный полк (в ходе гражданской войны выросший до размеров дивизии и послуживший костяком белой Добровольческой Армии – позднее «Вооруженных Сил Юга России») и «Женская боевая команда (позднее – батальон) смерти Марии Бочкаревой», защищавшая от большевиков Зимний дворец в октябре 1917 г., но были и многие другие аналогичные части, не менее самоотверженно дравшиеся за историческую Россию на полях гражданской войны.

В их символике – на погонах, фуражках, папахах, жетонах и нарукавных щитках, знаменах и нагрудных знаках корниловцев, анненковцев, дроздовцев, бойцов Западной Добровольческой Армии генерала князя Авалова-Бермондта, отрядов атамана Булак-Балаховича, донских казаков-гундров-

цев, Железной бригады Чехословацкого Корпуса, Сибирской штурмовой бригады и многих других непременно присутствовала «адамова голова» как символ смерти и воскресения, причем та же самая идея нередко выражалась и черно-белой цветовой («схимнической») гаммой формы белогвардейских частей (как бы подчеркивая этот свой «крестоносно-монашеский» характер белые воины нередко использовали в своей символике белый православный или мальтийский «рыцарский» крест, а марковцы даже носили на поясе черные четки-лествицы – насколько не опасаясь соседства христианской символики с «черепом и костями»).

И православные иереи служили молебны и благословляли их на правый бой, совершенно не смущаясь присутствием «зловещего символа». Последними, кто, продолжая традицию Якова Петровича Бакланова, носил «череп и кости» на полях боев (правда, уже второй мировой войны, которая, однако, воспринималась ими прежде всего как продолжение войны гражданской), были «белые казаки» 1-й Казачьей Кавалерийской дивизии, позднее XV Казачьего Кавалерийского Корпуса и многих других казачьих частей и подразделений в составе германского вермахта.

А вот большевики в период гражданской войны в России вкладывали в символ «черепа и костей» действительно убийственно-зловещий смысл. Любопытно, что боснийский гимназист Гаврила Принцип, чей провокационный выстрел в австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда 1 августа 1914 г. в Сараево вызвал четырехлетнюю мировую кровавую бойню и привел к крушению четырех крупнейших империй – и прежде всего – Российской – был членом террористической организации «Черная рука», эмблемой которой также служили череп и кости.

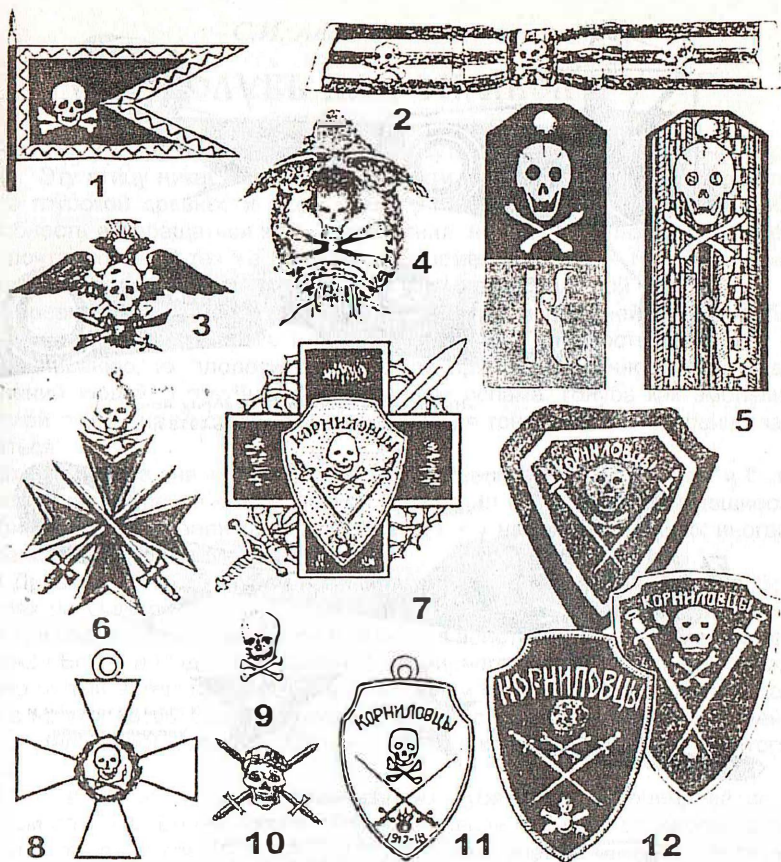
После выстрелов в Ульянова-Ленина осенью 1918 г. (до сих пор неизвестно кем произведенных) большевистская ЧК развязала невиданный по жестокости «красный террор» против всех патриотов России и просто честных русских людей...под знаком черепа с костями (см. фотографию демонстрации петроградских чекистов под лозунгом: «Смерть буржуазии и ее прихвостням, да здравствует красный террор!»). Пьяная матросня, по выражению большевистского банды Маяковского, «прикладами гнавшая седых адмиралов» в море «с моста в Гельсингфорсе», творила свои злодеяния под стягом с черепом и костями со сходной надписью «Смерть буржуям». На знамени «анархо-коммунистов» большевистского союзника «бабки» Махно, сорвавшего освободительный деникинский «поход на Москву», красовались также «мертвая голова» и надпись «Смерть всім, хто на пиришкодї добытья вільності трудовому люду».

Характерно, что белые сочетали в своей символике «череп и кости» с выражением готовности умереть, если надо, самим ради спасения родины (на знамени «Царскосельского батальона смерти» так и было написано «Лучше смерть, чем гибель Родины»), а нередко – и с ликом Христа Спасителя (как на знамени «женского батальона смерти» Марии Бочкаревой).

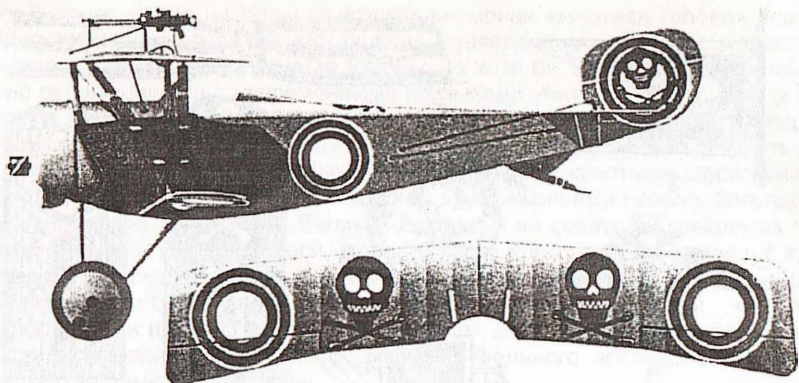
В то же время на большевистских знаменах «мертвая голова» всегда присутствовала в сочетании отнюдь не с заявлением о готовности красных умереть самим (ну, если не за Родину, то хотя бы за пресловутую «мировую революцию») (а с непременными призывами убить кого-то другого («мировую буржуазию», «контрреволюционеров», «врагов трудового народа», «прихвостней старого режима», неважно кого – лишь бы кого-то убить...)). Самолеты белых были украшены православными крестами, державными двуглавыми орлами (хотя и без корон!), изображениями русских богатырей и национальными цветами Великой России. А на советских самолетах той поры зловеще ухмылявшиеся черепа и кости прекрасно сочетались с кровавыми и черными пентаграммами, вампирами, ведьмами, красными дьяволятами (в буквальном смысле слова!), бутылками водки, чертами-куроцапами и прочей бесовщиной. Впрочем, сатанинские корни большевистской символики являются предметом отдельного исследования, выходящего за рамки нашей темы.

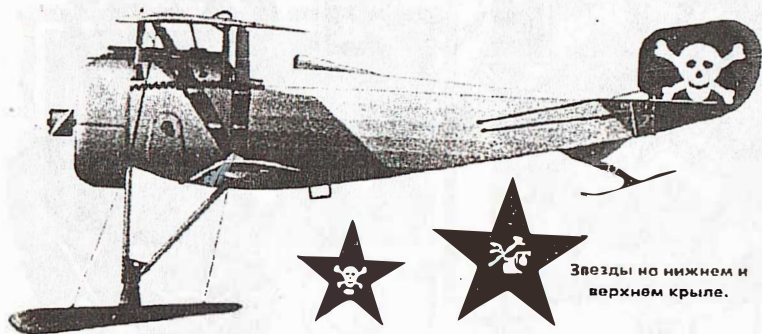
1. Знамя 3-го батальона Корниловского ударного полка.
2. Знамя Бакланова. 3. Знамя Корниловского ударного отряда.
4. Знамя «Царскосельского батальона смерти».

1. Значок 1-го эскадрона 5-го гусарского Александрийского полка.
2. Знак за количество сбитых неприятельских самолетов.
3. Знак 19-го корпусного авиаотряда.
4. Знак для летчиков, сбивших аппараты.
5. Погоны чинов Корниловского ударного полка. 1917 год.
6. Крест Русского корпуса (генерала князя Авалова-Бермондта).
7. Нагрудный знак Корниловского ударного полка.
8. «Крест храбрых» атамана Булака-Балаховича.
- 9-10. Эмблемы на фуражку взамен кокарды для «частей смерти».
11. Жетон Корниловского ударного полка.
12. Варианты Корниловских нарукавных нашивок.

«Ньюпор-11» летчика 22-го корпусного отряда А.Г.Михайлова, лето 1918 г.

Звезды на нижнем и верхнем крыле.

«Ньюпор-24бис» летчика 18-го РАО Северного фронта Н.Суворова, станция Плесецкая, март 1919 г.

Захваченный у деникинцев Sopwith «Кэмел» летчика 34-го РАО П.Карпухина, лето 1920 г.